

К ПРЕМЬЕРЕ ЛУЧШЕЙ КИНОКОМЕДИИ ГОДА

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

Андрей Гончаров
Хороший мальчик

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончаров А.

Хороший мальчик / А. Гончаров — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-98858-7

Добрая и веселая книга, прекрасно дополняющая блестящую одноименную кинокомедию. Здесь читатель может «посмаковать» забавные, смешные и анекдотичные фразы персонажей и погрузиться во внутренний мир героев, где бушуют настоящие страсти, драмы и любовные перипетии. Этот мир – школьников, родителей, учителей – наполнен Любовью, и это самый главный вывод, к которому приходит читатель, перевернув последнюю страницу романа. Ну а пока... пока в старшеклассника Колю Смирнова влюбляется дочь директора школы, но сам Коля просто тает при виде молоденькой учительницы английского. Может, именно эти горячие чувства и подожгли компьютерный класс? Впрочем, следователь думает иначе. И у Коли есть кое-какие соображения насчет злоумышленника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98858-7

© Гончаров А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Гончаров

Хороший мальчик

© ООО «2Д Целлулоид»

© ART PICTURES STUDIO

© Гончаров А., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

На завтрак были сырники. Они часто появлялись на столе. Мама любила их готовить, и получались они у нее замечательно: пышные, румяные, политые сметаной с сахаром. Коля сидел за столом и смотрел, как они шипят и раздуваются на сковородке. Мама быстрыми, ловкими движениями тонких изящных рук переворачивала их лопаточкой, затем снимала и складывала в большое блюдо. Вскоре в нем образовалась уже весьма высокая горка, и все за столом изошли слюной.

Мама выставила блюдо на стол и с улыбкой сказала:

– Ешьте!

Это было излишне, потому что никто и не собирался отказываться.

К сырникам сразу потянулись вилки папы и Коли и не очень чистые пальцы Димы.

Дополнительно, для особых сладкоежек, на стол выставлялась банка сгущенки. А такими были все – папа, Дима, Коля. Только мама избегала сахара по привычке, оставшейся с молодости, когда она была балериной.

Коля с удовольствием уплетал один сырник за другим, не отставал от него и Дима. Папа тоже ел довольно усердно. Он тщательно пережевывал каждый кусок. Старание прямо-таки отражалось на его лице, на лбу, сведенном в морщины.

Только мама не ела. Она подложила кулак под подбородок и любовно наблюдала за домочадцами, которые молча поглощали сырники. Идиллическую тишину, перемежавшуюся с чавканьем, нарушил папа. С трудом двигая набитым ртом, он проговорил в несколько приемов:

– Вообще-то так нельзя. Не усваивается творог в первой половине дня. Это же настоящая отравка!

Ну, все понятно. Папа сел на своего любимого конька под названием «правила здорового питания». На этой теме он был буквально помешан. К примеру, не далее как три дня назад отец раскритиковал мамины котлеты. Он уверял жену и детей в том, что свинину есть нельзя ни при каких обстоятельствах. Мол, организм этого домашнего животного кишит паразитами, которые вместе с котлетами пробираются в человека и начинают разрушать его изнутри. Свинья питается всякими отходами. На то она и свинья. Человек, отведавший ее мяса, превращается в подобие этой богомерзкой твари.

Нет, папа отнюдь не был иудеем или мусульманином. Такой факт выглядел бы очень странно, если тебя зовут Александр Смирнов. Его неприязнь к свинине была вызвана отнюдь не религиозными соображениями.

Коля в глубине души был уверен, что папа просто боится потолстеть. Хотя вроде бы никаких внешних оснований опасаться этого не было. Папа всегда отличался худобой. Регулярные занятия спортом, начатые еще в юности, также способствовали стройности его фигуры.

Хотя, может быть, поэтому отец и боялся. Сейчас-то он спортом прекратил заниматься, переключился на умственную деятельность. Так часто бывает. Зарабатываешь себе стройное тело, потом бросаешь спорт и – бац! Оглянуться не успеешь, как ты уже на колобка похож.

Коля покосился на папу. Нет, он совсем не напоминал колобка. Худой мужчина в больших нелепых очках скорее походил на ученого, проводящего свои дни где-нибудь в лаборатории или в научной библиотеке, на этакого книжного червя. В хорошем смысле слова, разумеется. Вот что-то, а книг папа перечитал немислимое количество.

Коле передалась эта страсть. Один из немногих подростков он читал и приключенческую литературу, и классику, и философию. Никто в их классе не прочел столько. Да что в классе – и в семье тоже. Разве что папа.

Мама тоже уважала книги, но меньше. Больше всего на свете она была увлечена папой.

Коля незаметно посмотрел на мать и поймал ее обеспокоенный взгляд, обращенный в этот момент как раз на папу. В нем застыли тревога и нежность. Мама всегда так вела себя с папой. Она вообще была очень женственная, все-таки бывшая балерина.

А вот, кстати! Коля даже есть перестал, призадумавшись насчет мамы. Ведь она с детства занималась балетом, выполняла многочасовые упражнения, соблюдала строгую диету, когда танцевала в ансамбле, знаменитом на всю страну. Потом все это закончилось – и балет, и упражнения, и диеты. Но мама как была тоненькая и изящная, так и осталась. За это время она успела произвести на свет Колю, за год до этого – Диму и нисколько не поправилась! Коля видел записи танцев с участием юной мамы. Она совсем не изменилась! Если только самую-самую чуточку. И это ее совсем не портит. Она все равно очень красивая и молодая!

Папа тем временем потянулся за следующим сырником и принялся столь же тщательно его пережевывать.

– Невкусно? – Мама забеспокоилась и чуть не подскочила на стуле.

Она была настроена сейчас же приготовить для папы что-то другое.

– Да вкусно, – поморщившись, признал папа. – Дело не в этом. Можно и мышьяк вкусно приготовить. У кого сгущенка?

Мама тут же протянула ему банку со сгущенкой, отобрав ее у Димы.

Тот остался без любимой сласти и неожиданно спросил:

– А мышьяк, кстати, хорошо усваивается?

Коля хмыкнул. Он хотел было поязвить на тему о том, что Дима нашел достойную альтернативу сгущенке, и настоятельно рекомендовать употреблять ее каждое утро, но тут ему в голову пришла другая острота.

– Хорошо, но один раз, – сказал он, поняв, что каждое утро употреблять мышьяк в дозах размером с банку сгущенки не удастся никому.

Даже Распутину с его титанической мощью.

Мама улыбнулась, даже Дима кривовато ухмыльнулся, но папа вдруг серьезно посмотрел на сына и произнес:

– Что ты такое говоришь? Мышьяк – это металл! Как он может хорошо усваиваться?

– Мышьяк – это полуметалл, – спокойно поправил его Коля, уже привыкший к тому, что у папы туговато с чувством юмора.

Но папа повторил упрямо:

– Мышьяк – это металл.

– Не спорь с папой! – одернула Колю мама и нахмурилась, но и тот уже закусил удила.

– Это полуметалл, – повторил он.

– Началось... – Дима закатил глаза.

Ему вообще этот спор был по барабану – металл, полуметалл. Он и слов таких не знал. В плане химии. А металл для него ассоциировался только с музыкальным направлением.

Дабы не тратить время на голословные препирательства, Коля быстро открыл на своем смартфоне «Википедию» и демонстративно повернул экран так, чтобы он был виден всем присутствующим. На нем победно светились строчки: «Мышьяк, полуметалл». Столь же победно сияли и Колины глаза.

Папа смотрел на Колю с удовольствием. В глубине души он явно был доволен тем, что сын обскакал его по части науки. Однако вслух его не похвалил. Папа вообще был скуповат на такие дела, даже больше, чем на юмор.

Он лишь окинул Колю выразительным взглядом и бросил:

– Трудно тебе придется в жизни, сынок!

– Так, все, давайте быстренько собирайтесь в школу, а то опоздаете! – подвела черту мама и принялась собирать со стола посуду.

Коля и Дима взяли свои рюкзаки и направились в прихожую.

Первым уроком, начавшимся в восемь часов, в девятом «Б» был английский. Единственное приятное событие хмурого раннего утра, если вообще может быть что-то позитивное в такую рань. Английский вела Алиса Денисовна Слепова, самая красивая учительница в школе.

Коля сел за свою парту. Рядом с ним устроился Спича, его лучший друг. Этот парень хорошо шарил в английском и постоянно перемежал свою речь импортными словечками. За это он и получил свою кличку, происходящую от английского «спич».

Алиса Денисовна вошла в кабинет через четыре секунды после звонка. Вся она была такая свежая, красивая, разрумянившаяся, улыбчивая, будто для нее первый урок в восемь утра – это просто праздник какой-то.

Коля тоже заулыбался. Он решил, что это она так радуется от встречи с девятым «Б». Но Алиса Денисовна на своих учеников не взглянула и Колину улыбку проигнорировала. Она села за свой стол, посмотрела в окно, через пару секунд решительно отвернулась от него и открыла классный журнал.

– Good morning, – произнесла учительница заученно, заглянула в журнал и тут же перешла на русский: – Итак, отвечать пойдет... – Указательный палец Алисы Денисовны, ноготок на котором был покрашен в нежно-розовый цвет, скользил по списку учащихся девятого «Б».

Потом Алиса Денисовна вдруг оторвала взгляд от журнала и обвела глазами класс. Многие ученики тут же опустили глаза. Одни чрезвычайно внимательно изучали первую попавшуюся страницу в учебнике, открытую наспех, другие – надписи на парте или шнурки своих кроссовок. В глаза Алисе Денисовне никто не смотрел.

– Отвечать пойдет... – повторила Алиса Денисовна, рассматривая два десятка макушек.

Взгляд учительницы замер, уткнувшись в расплывшуюся физиономию. Коля смотрел на нее с первой парты и лыбился во весь рот.

– Смирнов! – тут же проговорила Алиса Денисовна и, как показалось Коле, выдохнула с облегчением.

Она попросила Колю рассказать о нем самом и его семье. На английском, разумеется.

Тема вообще-то была несложная, все это они уже проходили год или даже два назад. Коля вполне мог бы получить пять или на худой конец четыре. Но что-то не клеилось у него сегодня с этим рассказом. Может быть, потому что он как раз утром задумался о своей семье и понял, что она не укладывается в классические рамки ответа на уроке?

Коля смотрел на Алису Денисовну и молчал, продолжая по-дурацки улыбаться. Он понимал, что Алиса Денисовна попросила его рассказать о себе, соображал также, что своим молчанием с этой дурацкой улыбкой сейчас походит на идиота, но ничего не мог с собой поделать. Ему почему-то казалось ужасно смешным рассказывать о себе какими-то клише. Он подумал, какое впечатление произвел бы на молодую учительницу, если бы говорил о своей семье реально, не шаблонными фразами.

Коля едва не расхохотался во все горло, представив, как вытянулось бы лицо Алисы Денисовны. Но та, кажется, почувствовала, что с Колей творится что-то неладное. Она сдвинула аккуратные брови и собиралась что-то сказать.

Тут Коля наконец-то выдал из себя:

– My name is Kolya Smirnov. – Он едва не прыснул, настолько глупым показалось ему это высказывание.

– Давай сначала, – пришла ему на помощь учительница. – Let me introduce...

– Let me introduce myself, – по-попугаичьи забормотал Коля. – My name is Kolya Smirnov. I study in the ninth grade... – Он снова замолк.

– Что с тобой, Коля? – спросила Алиса Денисовна.

В голосе ее не было недовольства, скорее легкая тревога и участие.

– Ничего. То есть nobody. Nothing, в смысле. То есть...

Коля мямлил и прерывался, от этого нервничал. «Так, нужно собраться! Что там? Про себя вроде рассказал. Он Коля Смирнов и учится в девятом классе. Вполне достаточно, чтобы составить представление о человеке. Теперь про семью. Так, с кого начать? Обычно в первую очередь говорят о маме. Ну вот, значит...»

– My mother is a... бухгалтер, – выдал из себя Коля.

– Accountant, Коля, – поправила учительница.

– Accountant, – прилежно повторил Коля и подумал, что правильнее было бы сказать, что мама его совсем не бухгалтер.

Она вообще-то балерина, и очень талантливая, в юности танцевала в ансамбле самого Игоря Моисеева. Великое чувство к папе заставило ее бросить любимое дело и поехать за ним в Звездный городок, где не нужны были танцовщицы. Ей пришлось отучиться на каких-то курсах и выбрать себе новую, такую скучную и совсем неподходящую для нее профессию. Но бухгалтеры были востребованы, а балерины – нет. Все это Коля мог бы рассказать Алисе Денисовне, но только ей одной, а не всему классу, которому знать об этом было совершенно не обязательно.

И про папу Коля много мог бы рассказать. Все-таки отец у него – человек выдающийся, несмотря на всякие там его космические загоны. Папа за свою жизнь прочитал, наверное, больше книг, чем Анатолий Вассерман, бородатый чудак-интеллектуал, которого Коля неоднократно видел в разных телепередачах. Папа обладал прямо-таки энциклопедическими знаниями. Он мог бы стать известным на всю страну, а может быть, и на весь мир, если бы... Если бы у него было побольше практицизма, что ли. Или грубой нахрапистости. Но папа был тонким интеллигентом, а таким людям всегда сложно найти теплое место в жизни.

Коля посмотрел на Алису Денисовну. Та, в свою очередь, поглядывала на него и никак не могла понять, почему он так теряется, затрудняется с совсем несложным ответом. А Коля думал, что Алиса Денисовна чем-то похожа на его маму. Она тоже очень молодая и красивая.

Алисе Денисовне было тридцать четыре года, но Коля этого не знал. К тому же выглядела она еще моложе. Внешность у нее была интересная, и одевалась учительница всегда элегантно и со вкусом. Сегодня на ней было платье-сарафан с широкими ляжками и блузка, очень подходившая к глазам. Вот этими самыми глазами она смотрела на Колю, а он думал совсем не о том тексте, который должен был сейчас выдать.

– Stop, Kolya, that's enough. Что происходит? – спросила Алиса Денисовна.

– Ничего, – по-русски проговорил Коля. – Просто обдумываю свой ответ.

– Хорошо. – Алиса Денисовна кивнула. – Задержись, пожалуйста, после урока.

Она вызвала Спичу. Тот бойко оттарабанил текст, заданный на дом, четко перечислил членов своей семьи – мама, папа, бабушка – и подробно рассказал о каждом из них. Хотя Коля отлично знал, что Спича живет вдвоем с мамой, у него нет бабушки, а папа не появляется даже по большим праздникам. Всех их – и папу, и бабушку, и прочих любящих родственников – полностью заменила собой мама. Она была для сына всем и считала это своей жизненной миссией.

Коля понимал, что Спича в своем рассказе рисует воображаемых бабушку и папу. Вон, даже присочинил, что по выходным они с папой играют в футбол, а бабушка печет ему пирожки с капустой.

Странно, но Коля раньше не задумывался, сожалеет ли Спича о том, что живет вдвоем с мамой? За ее спиной он вроде бы чувствовал себя вполне комфортно. Да и мама растворилась в любимом сыночке и, казалось, ни в ком и ни в чем больше не нуждалась. Только сейчас, когда Коля слушал идиллию, которую рисовал его друг, ему пришло в голову, что это было их одиночество вдвоем.

Правда, у парня имелся также некий дед. Коля в глаза его не видел, но Спича постоянно ссылался на этого человека как на непререкаемый авторитет. Дед, по словам Спичи, был героический, участник нескольких войн в разных горячих точках.

Спича блестяще закончил рассказ, перебрался с Алисой Денисовной еще несколькими фразами, словил свою пятерку и вернулся на место, совершенно довольный собой.

До конца урока Алиса Денисовна не обращала на Колю никакого внимания. Она что-то объясняла, кого-то спрашивала, а его не касалась. Когда урок закончился и школьники высыпали из кабинета, Коля подошел к столу учительницы. Алиса Денисовна записывала что-то в журнал, и ее голова была наклонена. Поэтому она Колю не видела, а он ее – отлично. Более того, мальчишка таким вот образом получил законное право пялиться на нее во все глаза. Рука Алисы Денисовны двигалась влево-вправо, и из-под нее высыпали маленькие аккуратные буквы. Коля следил за этим процессом.

Алиса Денисовна бисерным почерком дописала задание, тему следующего урока и подняла на Колю глаза.

– Коля, тебе не нравится английский? – спросила она просто, без всяких переходов и прелюдий.

– Нравится, – тут же ответил Коля.

– Может, я тебе не нравлюсь? – предположила Алиса Денисовна.

Эти ее слова прозвучали так странно, что Коля ответил куда поспешнее и горячее, чем следовало бы:

– Да нет, вы обалденная!

– Коля, ну что за выражения! – Алиса Денисовна поморщилась, но парню было видно, что ей очень приятно. – Я просто не понимаю, в чем проблема с английским. Задание-то несложное!

– Ну, просто английский – это уже не актуально. Сейчас все китайский учат. Вомэнь юйдинлэ шуаньжэнь фанциэнь? Чжэ ши вомэнь дэ хучжао.

– Что? – Ровные брови Алисы Денисовны взлетели вверх.

– Мы бронировали номер на двоих, – перевел Коля.

Эту фразу он выудил из самоучителя, который приобрел в книжном магазине неподалеку от дома.

– Вот наши паспорта, – продолжил он перевод и протянул Алисе Денисовне книжку. – Вот, купил самоучитель, – сообщил он.

– Ты сам купил? – недоверчиво спросила Алиса Денисовна.

– Сам, – подтвердил Коля. – А там несложно. Дашь деньги, получаешь книжку. Это магазин. – Парень во весь рот улыбнулся Алисе Денисовне, давая понять, что это шутка, он совсем не хотел ее обидеть.

– Так. Ладно, – проговорила учительница. – Вечером зайдешь ко мне. Я тебе дам диск с уроками, будешь слушать. Это тоже несложно.

– Хорошо, зайду, – пообещал Коля и пошел на следующий урок.

А после занятий произошло то, что и должно было. Колю встретили гопники – компания старшеклассников, совершенно лишенных тормозов. Они уверенно двинулись к нему, когда он выходил из школы.

Коля остановился.

– Руки подними! – скомандовал один из гопников.

Коля не стал спорить, и потные ладони тут же принялись обшаривать его карманы. Этот ритуал уже давно стал привычным и, кажется, совершенно не трогал Колю. Во всяком случае, внешне он оставался абсолютно спокоен. В голове его крутились мысли, словно прерванный

диалог с Алисой Денисовной: «Our school is one of the oldest in our city. We have lot of good traditions here».

Коля даже не сразу услышал, как гопник что-то сказал ему.

Он так и стоял с задранными руками, и тому пришлось повторить:

– Руки-то опусти, не пались!

«Ему страшно, – мелькнуло в голове у Коли. – Он боится».

Впрочем, то, что гопники – народ трусливый, он понял давно. Только в своей большой компании они чувствуют себя крутыми. Если поблизости нет того, кто сильнее их. Директора, например, или завуча. Да хотя бы Алисы Денисовны. Смелость их происходит от ощущения безнаказанности. Она жива до первой же встречной силы, которая окажется больше.

Коля был уверен, что это обязательно произойдет. А пока он просто стоял. Зачем предпринимать какие-то действия, которые наверняка будут глупыми и бессмысленными? Колина мощь не превышала силы гопников. Во всяком случае, физическая.

Гопник закончил свои манипуляции, выудил у Коли из карманов всю мелочь, добродушно улыбнулся и ласково, словно у старого друга, с которым давно не виделся, спросил:

– Как сам?

– Нормально, – односложно ответил Коля.

Гопник пересчитал монеты, вскинул голову и заявил:

– Слышишь, чего у тебя так родаки жмутся-то? Скажи им, что за дела – тридцатка в день?!

– Скажу, – столь же кратко отозвался Коля.

Второй гопник хлопнул его по плечу:

– Жестче с ними! Давай, пацан.

Коля развернулся, чтобы уйти, и увидел Диму. Тот, весь в любимой рэперской одежде, с улыбкой на наглой, самоуверенной физиономии, развязной походкой прошагал мимо Коли. На брата он не обратил ни малейшего внимания, словно тот был пустым местом. Коля отлично понял, что это он нарочно так себя ведет. Дима на ходу по-свойски поздоровался с гопниками за руку и побежал дальше.

Коля с тоской посмотрел ему вслед. Вот Диму гопники не чморят, денег не отнимают. Он у них за своего. А почему так получается? По каким таким причинам гопники Диму уважали, а его, Колю, не ставили в грош и безошибочно выбрали объектом своих насмешек? Чем Дима лучше Коли?

Да, наверное, ничем. Даже наоборот. Просто Дима в себе уверен, а Коля нет. А почему не уверен? Он хорошо учится, много знает, читает, танцует отлично. Коля вообще никакой не ботаник. Зря Дима представляет его таким и постоянно говорит, что по этой причине его брат не нравится девушкам.

Девушкам Коля и впрямь не нравился. А почему? Как так вышло, что, например, Ксюша целуется с Багдасаровым, а не с ним? Ведь этот Багдасаров и в самом деле имбецил. Вся гопота, пляшущая под его дудку, недалеко ушла в развитии. Да и, честно говоря, Дима тоже.

Но вот у Димы-то с девушками все в порядке. Он сам неоднократно хвастался перед Колей своими победами, и тот, чего греха таить, завидовал ему в эти моменты.

Вот и сейчас Дима побежал не потому, что спешил домой. Он догонял Симакову, идущую впереди.

Эта барышня училась в одном классе с Димой. Ей тоже было шестнадцать лет. Но, глядя на ее полногрудую, рано развитую фигуру, запросто можно было подумать, что она уже окончила школу и получила аттестат половой зрелости.

– Симакова! Симакова! – кричал Дима на бегу, а та намеренно не оборачивалась – знала, что догонит.

Коля вздохнул и закончил мысли вслух:

– Also I have a brother, Dima.

Он видел, как Дима догнал-таки Симакову, придержал ее за локоть и что-то быстро проговорил. Девушка рассмеялась, руку не убрала, что-то ответила, потом кивнула и пошла дальше.

Дима остался стоять на месте, и Коля подошел к нему.

– Что, послала она тебя? – поинтересовался он.

– Чего? Меня послала? – Дима презрительно скривил губы и длинно сплюнул. – Да мы с ней на вечер забились встретиться. Эх ты, ботан!

Они двинулись в сторону дома. По дороге Дима постоянно втолковывал брату, что склеить Симакову такому крутому чуваку, как он, проще пареной репы. Ведь у этой Симаковой на заднице написано «Хочу!».

– На лице, ты хотел сказать? – уточнил Коля.

Дима заржал и заявил:

– Нет, именно на заднице! Потому что на лицо ее никто и не смотрит! На фигура оно сдалось при таких... – Дима не нашел слов и лишь выразительно обвел в воздухе воображаемый контур фигуры Симаковой, преувеличив при этом все ее выпуклости.

Они уже дошли до подъезда, поднялись на второй этаж. Можно было идти дальше.

– погоди, я покурю, – небрежно сказал Дима, доставая сигареты.

Он прислонился к почтовому ящику, прикурил, выпустил длинную струйку дыма и продолжил разговор:

– Ты просто в такие вещи не врубаешься! Симакова – она как будто сама вопит: «Давай-давай, я хочу, я Симакова, я твоя!»

Он описывал Симакову до тех пор, пока Коля не спросил:

– Она нимфоманка, что ли?

– Чего? – не понял Дима. – Ну да, давалка она. Только кому дам, а кому не дам! Вот тебе, к примеру, не светит!

Дима докурив сигарету и забросил бычок в соседний почтовый ящик. Потом он снисходительно хлопнул Колю по плечу и побежал по лестнице.

Коля посмотрел на почтовый ящик. Оттуда тянулось облачко дыма, которое становилось все больше.

Коля перепугался. В ящике наверняка лежат газеты, какие-нибудь листовки и прочая бесплатная бумажная ерунда, которую постоянно закидывают туда всякие промоутеры и рекламщики. Если все это загорится – а такая беда приключится обязательно! – тогда вообще может произойти пожар. Блин, вот Дима идиот! Бросил окурочок и убежал!

Коля попытался двумя пальцами через верх достать бычок, но ящик был закрыт. Он с ужасом увидел, что дым валит оттуда уже не облачком, а огромной тучей, которая вот-вот станет грозовой.

Коля растерялся. Может быть, позвонить в эту квартиру и сказать?.. Но он же сам и получит по ушам, потому что абсолютно никто не поверит, будто Коля тут не при делах!

Коля в бессильном отчаянии посмотрел на ящик. Делать было нечего. Он развернулся и тоже побежал по лестнице.

Придя домой, Коля через зеркало в прихожей увидел папу. Тот сидел на диване в майке и спортивных штанах. За его спиной возвышалась горка из банок спортивного питания. Папа разговаривал по телефону, и голос у него был какой-то ненатуральный. С домочадцами он никогда так не общался.

– А с пищевой добавкой «Здоровье-плюс» у вас не будет этих проблем, – услышал Коля. – Ни с ногами, ни с печенью. Всего шестьсот рублей, но при покупке двух... – Папа вдруг умолк.

Ему некому было поведать о радужных привилегиях при покупке сразу двух банок спортивного питания. Человек, с которым он беседовал, явно повесил трубку.

– Да пошел ты! – в сердцах проговорил папа.

Коля на цыпочках прошел в свою комнату. Ему не хотелось сейчас общаться с расстроенным, раздосадованным отцом. Парень скинул портфель и сел на стул.

Он все еще продолжал мысленно составлять текст о своей семье и произнес вслух:

– My father was a sportsman. Now he works at home.

Это было правдой. Ну, или почти таковой. Раньше, еще до того как родился Коля, папа был спортсменом и тренером. Вроде бы у него это хорошо получалось. Ну и занимался бы себе этим всю жизнь, до самого выхода на пенсию, но не тут-то было!

Дело в том, что была у папы одна страсть. Называлась она космос. Папа был помешан на этой теме, на всяких там космических достижениях. Он ничуть не сомневался в том, что в современном мире любая наука должна опираться именно на космические технологии. Папа считал космос основой мироздания и поклонялся ему как Богу. Гагарин, Титов, Терешкова – это были для него не просто фамилии, а кумиры, самые настоящие идола. Папа в их честь даже назвал своих белых мышей – Валя, Герман и Юра.

Он постоянно носился с какими-то новыми идеями, которые должны были перевернуть представления людей о жизни, да и ее саму, разрабатывал методики, которые называл уникальными. Они должны были непременно обеспечить счастливейшее существование человечества на принципиально новой основе.

Человечество же почему-то с этим не спешило. Прямо скажем, оно никак не хотело становиться счастливым с помощью папы Смирнова.

Он от этого очень страдал, возмущался и нервничал. Ему было обидно, что его идеи, родить и хорошо продумать которые способен далеко не каждый человек, остаются не оцененными. Кто в этом был виноват?

Папа считал крайним общество, большинство в котором составляют клинические идиоты. Подтверждение своей гипотезы папа находил в том числе и в Интернете. В одной из новомодных веб-энциклопедий так было и написано. Мол, какие-то ученые пришли к выводу о том, что девяносто пять процентов людей – идиоты.

Изменить это было практически невозможно, но папа все равно не мог соскочить со своего конька и продолжал предлагать свои идеи девяносто пяти процентам общества. Никакого положительного результата в этих условиях в принципе нельзя было достичь. Но Александр Смирнов аки библейский Сизиф продолжал свои тщетные попытки.

Коля папе сочувствовал, хотя в глубине души считал, что тот мог бы придумать нечто по-настоящему полезное. С его-то мозгами! Но спорить с отцом на равных он не мог.

Дима же вообще был убежден в том, что папа занимается полной хренью. Правы как раз те самые девяносто пять процентов общества, коих некие ученые записали в идиоты. Но вслух сын высказывать этого не решался.

Дима знал, что папа имел характер крутой, к идеям своим относился трепетно и болезненно реагировал на выпады, особенно со стороны самых близких людей. Он мог закатить скандал и властной рукой запретить сыну практически все, не считая учебы в школе.

Тем более что косяков со стороны Димы и так было предостаточно. Учился он через пень колоду, никаких секций или кружков не посещал, после школы время проводил с тусовщиками и бездельниками. Это по гневным словам папы. Кроме начитывания рэпа – по мнению Коли, тоже довольно-таки слабого и вторичного, – парень не мог похвастаться ничем особенным. Однако в его арсенале была такая вещь, как понты.

Пожалуй, единственным человеком в семье, который беспрекословно поддерживал папу, была мама. Кажется, она была искренне убеждена в том, что ее супруг прав всегда, по определению. В отличие от сыновей, которые просто благоразумно помалкивали в тряпочку.

Коля задумался. Чего только не было в их жизни благодаря папиным идеям! Однажды отец купил книжку о сыроедении. Она ему понравилась, но Александр Смирнов не был бы самим собой, если бы не изобрел свою методику.

К слову сказать, кулинаром папа был никаким, и рацион питания семьи Смирновых стал совсем постным. В течение двух недель они кормились исключительно четырьмя ингредиентами. Это свежие огурцы, чеснок, капуста и – внимание! – слива личи. Папа утверждал, что в этих продуктах содержатся абсолютно все вещества, необходимые человеку. Семья, как обычно, сомневалась в том, что это так, но, чтобы не расстраивать папу, все согласилось.

Главную неприятность составлял даже не чеснок, от запаха которого от Коли с Димой начали шарахаться и одноклассники, и учителя. Тут был и плюс, пусть и единственный. Он состоял в том, что их перестали вызывать к доске. Основную проблему составила слива личи, на первый взгляд совершенно безобидная. Она, конечно, обладала уникальными полезными свойствами, но стоила, собака, примерно столько же, сколько прежний месячный рацион Смирновых.

Возможно, папа что-то не дочитал, перегнул, или же в его расчеты вкралась ошибка. Но спустя две недели диету пришлось срочно прервать. Так уж вышло, что всю семью поразила жуткая диарея. Родители и дети выстраивались в очередь в туалет.

Потом папа случайно познакомился на улице с каким-то пропагандистом древних дыхательных упражнений по методике тибетских лам. Александр Смирнов быстро погрузился в тему и решил, что эти самые ламы были не столь образованны и продвинуты, как он. Папа воспылил страстью усовершенствовать методику.

На это ушло несколько бессонных ночей. Потом папа торжественно объявил, что теперь все они, то бишь семья Смирновых, проживут по сто лет. Он приказал немедленно открыть в доме все форточки, а затем встать в определенные позы и дышать.

По злой иронии судьбы эта идея пришла ему в голову в промозглом декабре. Спустя три дня Коля с Димой свалились с простудой. Участковый терапевт, пришедший по вызову, заявил, что Смирновы не проживут не то что сто лет, а не дотянут до весны, если продолжат исповедовать папины идеи.

Папа, конечно, попытался было поспорить с доктором, настоять на продолжении упражнений до полного выздоровления, но тут уже даже мама решительно воспротивилась. Отец погрузился, потускнел. Он одиноко бродил по комнатам и бормотал себе под нос всякие гадости про нынешних эскулапов.

Но грустил папа недолго. Он решил, что нечего детям болеть просто так, без всякой пользы для себя, и стал тренировать в них стиль и память. Для этого отец велел сыновьям целиком и полностью переписывать в тетради произведения великих классиков.

Ладно еще выбрал бы в качестве образца Чехова или на худой конец Толстого. Нет, папа заявил, будто вычислил, что лучше всего методика будет работать с унылой эпической «Илиадой» Гомера.

Пока Дима с Колей сидели дома на больничном, они, высунув языки, корпели над переписыванием перипетий и споров между троянцами и греками, ломали голову, кому все-таки достанется эта баба. Их не радовали даже довольно интересные приключенческие моменты, ибо книгу папа раздобыл какую-то древнюю, по виду так примерно ровесницу самой поэмы, растрепанную, без начала и конца.

Однако, пойдя после болезни в школу, оба сына сразу схватили двойки по литературе. Они занимались только переписыванием «Илиады» и не выполнили задания учителя. Папа, торжественный и важный, ожидал их дома после школы в предвкушении плодов собственного триумфа, но его ждало большое разочарование.

Однако папа был не из тех, кто привык унывать! Он не останавливался на полпути и презирал людей, поступающих так.

Однажды перед началом летних каникул он пришел домой весь довольный, сияющий как медный таз и с загадочным многообещающим видом выложил на стол деньги. Как потом

выяснилось, ему удалось продать какие-то свои брошюры по изучению камней в малоизвестное простодушное издательство.

– Мы уезжаем на каникулы! – возвестил папа, не дождался реакции семьи и добавил: – В Антарктиду! Я понял, что это лучшее место для познания истины. Там температура достигает минус пятидесяти. Это весьма способствует просветлению.

По вытянувшимся лицам домочадцев папе стало ясно, что никто из них не желает просветляться. Мама робко проговорила, что за познанием истины не стоит ехать так далеко.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но все остались дома. Причиной этого стала не дальность, а дороговизна. Папиных денег, увы, просто не хватило бы даже на половину пути. Поэтому на семейном совете было решено купить на них папе новую куртку.

Ох, много чего было! И на головах стояли, и на металлических каркасах спали, сконструированных, кстати, тоже по папиным чертежам. Слава богу еще, что он не догадался снабдить их шипами или гвоздями для пущего эффекта. Словом, Смирновы жили весело.

Глава 2

Приближалось знаменательное событие – День школы. В этом году праздник был назначен на 22 сентября. Он устраивался ежегодно и проходил с большим размахом. Об этом всегда заботился директор Владимир Анатольевич Дронов. Он вообще любил роскошь и помпезность.

В этом году Дронов готовил большой сюрприз – открытие собственного компьютерного центра. Он был крайне горд этим событием, равно как и собой, и с начала учебного года расхаживал по школе, гордо надувая щеки.

Несколько раз к нему приезжали какие-то чрезвычайно серьезные люди. Они что-то обсуждали с Дроновым в его кабинете, потом уезжали. После таких встреч директор выглядел странно, ходил задумчивый. Словом, намечалось нечто грандиозное.

За несколько дней до намеченного торжества Коля и Спича подходили к школе. Приятели увидели, как несколько старшеклассников вешали со стремянок большую растяжку прямо на фасад новенькой школьной пристройки. На полотне, презрев тавтологию, гордо и призывно красовалась надпись: «Выше к высоким технологиям! Открытие нового компьютерного центра – 22 сентября, в День школы».

Неподалеку Коля и Спича заметили Дронова, который о чем-то очень напряженно беседовал с учителем информатики Станиславом Ильичом Томиловым.

Возле них с выражением бесконечной скуки на лице стояла Ксюша, дочь Дронова. Она училась в параллельном девятом «А» классе и сталкивалась с Колей только во время уроков физкультуры. Они иногда проходили в расширенном составе, в них участвовали ученики обоих классов. Ксюша смотрела в сторону, делала вид, что ее несколько не интересует разговор между учителем и ее отцом. От этого становилось совершенно ясно, что эта беседа касается как раз ее.

Спича толкнул Колю в бок:

– Давай послушаем!

Они тихонечко, бочком подошлись поближе, но слышно все равно не было, а лезть дальше не стоило. Дронов вполне мог их турнуть. Сообразительный Спича задрал голову. Парни переглянулись, зашли за угол пристройки и влезли на крышу.

Там они устроились совершенно незаметно. С высоты им был отлично виден весь школьный двор. На стадионе девочки с учительницей физкультуры отрабатывали движения чирлидинга. Но это не интересовало приятелей. Коля посматривал на Ксюшу, а Спича изо всех сил наострил уши, потому что разговор девочки с Дроновым и Станиславом Ильичом отсюда был слышен плоховато.

– Ксюша, это правда? – спросил Дронов, хмурия брови. – Ты целовалась на уроке?

Спича больно толкнул Колю в бок. Дескать, ого, какие тут дела интересные обсуждаются! Коля сжал руку приятеля, чтобы тот умолк. Ему и самому было любопытно.

Ксюша закатила глаза и лениво спросила:

– Папа, а тебе вообще какая разница?

А Станислав Ильич вполголоса продолжал выкладывать подробности инцидента:

– Прямо посреди урока. Багдасарову я ничего не могу сказать. Он же имбецил. – Учитель развел руками. – Но Ксения!.. Она же должна понимать...

Дронов собирался что-то сказать, но тут послышался голос одного из старшеклассников, вешавших растяжку:

– Владимир Анатольевич, так нормально?

Дронов вскинул голову и коротко произнес:

– Выше! – Затем он повернулся к дочери и с недоумением спросил: – Почему с этим уродом-то, с Багдасаровым?

Его недоумение было таким искренним, что мальчишкам казалось, будто больше всего директора беспокоил именно тот факт, что из всех возможных кандидатур его дочь выбрала именно Багдасарова. То обстоятельство, что она целовалась во время урока, не так уж и важно.

Станислав Ильич охарактеризовал Багдасарова грубовато, но точно. Коля и сам часто мысленно именовал его имбецилом. Может быть, во многом по этой причине он и не сопротивлялся, когда его чморили гопники, у которых заводилой был как раз именно Багдасар. Что взять с таких поганцев, как он? Им бесполезно было что-либо доказывать, особенно Коле, у которого просто не было необходимых ресурсов.

А вот Ксюша Дронова на заигрывания этого недоумка отвечала, кажется, охотно. Этот факт вызывал у Коли непонимание и недоумение – прямо как у ее отца.

Ксюша тем временем с явным вызовом произнесла, глядя на родителя:

– А с кем мне?.. Со Станиславом Ильичом? – Она махнула длинными ресницами в сторону учителя, который в ответ на это замечание лишь усмехнулся.

– Ксюша! – одернул дочь Дронов.

– Чего она с отцом так ругается? – обратился Коля к приятелю.

Он ни разу не общался с директором вне школы, да и там сталкивался совсем не часто. Владимир Анатольевич ничего не преподавал, занимался исключительно административной работой. Иногда он, как директору и положено, устраивал нерадивым ученикам разносы, причем публично. Дронов любил выстраивать их в шеренгу, сам расхаживал перед ними и обещал отправить всех в колонии, интернаты для слабоумных, а также заставить после уроков рыть котлован для бассейна, который был у него в планах.

– Вы все умрете от истощения! – предсказывал он. – От обезвоживания! От теплового удара! А мне за это ничего не будет! – Он тыкал пальцем в лица особо проштрафившихся персонажей. – Я уничтожу вас законным неподсудным способом!

Ни одной из своих угроз Дронов никогда не воплотил в жизнь. Более того, спустя пару минут он вообще забывал о них.

Что касается Коли, то он в число проштрафившихся не попадал и соответственно под директорский гнев тоже. Учился Коля хорошо, дисциплину не нарушал, во всяких общественных мероприятиях, так любимых директором, принимал активное участие. Так что у них не было никаких взаимных претензий.

Дронов нравился Коле. Строгость он проявлял в разумных дозах, чаще всего общался со школьниками добродушно, с улыбкой. Более того, Коле даже хотелось, чтобы Дронов вел какой-нибудь предмет у них в классе. Но такого счастья не достаивался никто, и девятый «Б» в том числе. Неизвестно даже, был ли он способен преподавать какой-то предмет, но школой директор руководил хорошо.

Тут Спича решил развлечь приятеля, зажал нос и дебильным голосом начал озвучивать разговор Дронова, Ксюши и Станислава Ильича:

– Ксюша, я хочу познакомить тебя со своей любовью. Это Станислав Ильич. Можно просто Ильич. Или Ведро.

Коля засмеялся, тоже зажал себе нос и, вторя приятелю, заговорил за Станислава Ильича:

– Дронов! Отдай мне свою дочку! Я тоже хочу стать директором!

Спича сделал загадочное лицо и продолжил:

– Ты не знаешь главного, Ведро. Ты тоже моя дочка!

– Ведро Владимировна Дронова! – едва сдерживаясь, выдал из себя Коля, и мальчишки чуть не покатались от смеха с крыши.

А склока продолжалась, хотя число ее участников поубавилось. Станислав Ильич достал платок и, сморкаясь на ходу, ушел. Видимо, он счел свою миссию выполненной.

– Гад, ты мне нос сломал!.. – продолжал гнусавить Спича, пародируя Станислава Ильича. Дронов что-то очень строго выговаривал дочери, но та, не дослушав его, резко развернулась и пошла прочь.

– Ксюша! – негодуя крикнул Дронов. – Я с тобой разговариваю!

Девчонка не обращала на отца ни малейшего внимания и удалилась с независимым видом. Дронов остался один. Он постоял некоторое время, покачал головой и тоже исчез.

Коля и Спича веселились от души, повторяли реплики из только что услышанного диалога. Да, день начался совсем неплохо. Такое развлечение перед уроками!

– А он... А он... – давясь от смеха, пытался воспроизвести что-то еще Спича.

– Здравствуйте! – произнес голос директора.

Коля поднял оба больших пальца, пытаясь показать Спиче, как отлично тот научился копировать интонации Дронова, но быстро осекся.

Перед ним стоял Дронов – реальный, живой, а Спича благоразумно прикрыл рот и ничего не говорил. У Коли слегка екнуло сердце, но смех еще звучал внутри и побеждал страх. Коля покосился на Спичу и понял, что тот тоже едва сдерживается, чтобы не расхохотаться во все горло.

Коля первым взял себя в руки и заявил:

– Здравствуйте, Владимир Анатольевич!

– Вы тут ко Дню школы готовитесь? – осведомился директор.

Коля хотел утвердительно кивнуть, но Спича опередил его, услужливо гаркнув:

– Да!

– Нет! – выкрикнул Коля. Недавняя смешная ситуация подталкивала его к озорству, внушала безнаказанность.

– Нет! – Спича почувствовал настроение приятеля и сменил пластинку.

Но Дронов, казалось, и не собирался их наказывать.

Он лишь посмотрел на мальчишек с удивлением и спросил:

– Вы не хотите новый компьютерный центр?

– У меня дома по-любому комп в тыщу раз круче, – выдал Спича и оттопырил пухлую губу.

Он совсем потерял берега и не замечал, что откровенно хамит директору. Благо Дронов не отличался склонностью к садизму в отношении учеников и вообще был вполне нормальным директором. Он поочередно посматривал на Спичу и Колю, этак снисходительно, даже с сожалением. Взгляд у него был такой, будто они полные придурки или имбецилы – совсем как Багдасаров. Пацаны на всякий случай притихли. Спича даже одернул рубашку и пригладил ее.

– Понятно, – бросил директор. – С крышки слезаем.

Коля и Спича послушно поднялись и отряхнулись. Им было уже не смешно. Теперь они снова видели перед собой директора школы, который легко мог сделать с ними все, что ему угодно – в рамках дозволенного, разумеется. Да и если просто наорет, тоже ничего приятного.

День, так удачно начавшийся для Коли и Спичи, дальше был, в сущности, обычным. Уроки, вопросы, ответы, проверка домашнего задания и все такое прочее.

После занятий в актовом зале проходила репетиция. Школьники под руководством завуча тренировались в искусстве танца. Вот кто-кто, а эта дама меньше всех годилась на роль учителя танцев. Хотя бы потому, что была она немолодая и совсем не красивая. Впрочем, Коля никогда не задумывался над ее возрастом. Всем женщинам старше тридцати он автоматически присваивал статус старух. Не важно, сколько было им лет – тридцать пять или шестьдесят четыре. Это значения не имело.

Мальчишки и девчонки по очереди выходили на сцену и демонстрировали свои умения. Все танцевали кто во что горазд. Спича отвязно зажигал под диско, за ним под жесткий хаус младшекласник с серьезным лицом станцевал вог.

Настала очередь Коли. Тут и думать было нечего – хип-хоп, разумеется! Коля не стеснялся, он знал, что хип-хоп у него получается классно. Однокласники не раз распевали при нем незатейливую песенку: «Колян танцует лучше всех, Коляна ждет большой успех!»

Эту песню, конечно же, придумывали не про него. Ей уже было много лет. Сочинили ее, наверное, еще тогда, когда Коля умел водить лишь малышовые хороводы на новогодних утренниках, наряженный в костюм зайчика. Но ему все равно было очень приятно.

Глебова старательно демонстрировала движения поппинга, но успехом пользовалась небольшим. Ей не хватало то ли поппинга, то ли чего другого.

С выходом на сцену Ксюши раздались свист и аплодисменты, как выяснилось, вполне заслуженные. Она с ходу начала исполнять дэнсхолл. Даже непрофессионалу было видно, что эта девчонка двигается лучше всех.

Впрочем, у всех получалось довольно неплохо. Школьники старались, хотели понравиться, произвести впечатление и уходили со сцены вполне довольные собой.

Только один человек был недоволен. Речь, конечно, о завуче. Эта женщина все время стояла напротив сцены с каменным лицом и наблюдала за участниками мероприятия.

– Что это, Дронова? – не скрывая презрения, обратилась она к Ксюше, когда та закончила свой номер.

– Это дэнсхолл, Ангелина Валерьяновна. Народный ямайский танец, – пытаюсь отдышаться, сообщила Ксюша.

– Понятно. Ты в России, Дронова! Идите все сюда.

Мальчишки и девчонки неохотно поднялись со своих мест. Они понимали, что сейчас начнется полная лабуда.

И точно! Завуч включила телевизор, и на экране появилось черно-белое изображение. Звучала какая-то унылая мелодия. Танцоры работали как-то вяло, без искры. Их движения были одинаковыми, классическими. Продолжалось это зрелище несколько минут, и многие, не таясь, зевали.

Коля и Спича тоже скучали и посматривали на Ксюшу. А той вроде как было все равно. Она стояла чуть поодаль, абсолютно флегматичная, равнодушная.

Завуч ткнула пальцем в экран и с гордостью сказала:

– А это мой лучший ученик. Узнали?

Школьники без особого интереса скользнули глазами по фигуре юноши в народном костюме.

– Это Станислав Ильич, – усмехнувшись, подсказала завуч. – Мог бы в ансамбле Моисеева танцевать.

Ребята удивленно переглянулись. Ангелина Валерьяновна продолжала смотреть на экран, и на ее лице появилось умильное выражение. Среди школьников пошел легкий шум. Завуч выключила запись и чуть заметно вздохнула.

– Ну что, вдохновились? – нарочито бодро спросила она и, не дождавшись ответа, добавила с преувеличенным энтузиазмом: – Советую вдохновиться! Польша! Наш танец. А теперь радостная новость! Нам наконец-то привезли кос-тю-мы!

Чрезмерный оптимизм завуча не находил отклика на хмурых лицах школьников. Женщина усмехнулась, сунула руку в большой пакет и выудила из него какие-то немыслимые шаровары.

– Примеряем ак-ку-рат-но! – по слогам произнесла она, подчеркивая важность как момента, так и наряда.

– Что за дебилизм? Что за блески? – Ксюша скривилась, демонстрируя полнейшую скуку. – Я не буду это надевать!

– Дронова! – жестко одернула ее завуч. – Молча надела, и все!

Ксюша сцепила зубы, тяжело вздохнула и подчинилась.

Вслед за директорской дочерью все покорно стали напяливать костюмы. Через несколько минут школьники, облаченные в аляповатые одежды, столпились на сцене. Зазвучала фонограмма, и все они начали танцевать. Выглядело это довольно плачевно и убого.

На общем фоне выделялась Ксюша Дронова. Но энтузиазма в ней не было никакого.

– И раз, и два, и три, и четыре! – командовала завуч. – Дронова, голову подняла! И раз, и два, и три, и четыре! В субботу выступать не мне, а вам! Каждая прогулянная репетиция – запомните! – это для вас автоматическая контрольная! По каждому моему предмету – и по химии, и по биологии, и по ОБЖ. Ясно?!

В какой-то момент Коля с Ксюшей оказались рядом и танцевали в паре. Потом они снова разошлись.

Когда Ксюша вышла из актового зала, ее догнал Коля.

– Ксюша, подожди.

Девчонка остановилась.

– Я Коля из параллельного класса, из девятого «Б».

– Я заметила. Чего тебе? – безразлично спросила Ксюша.

– Я тут подумал... Я в курсе, что у тебя день рождения в декабре. Короче, ты – Стрелец.

– И что? – с усмешкой спросила Ксюша.

– А я – Весы. Это идеальная совместимость! Это как... Джон Леннон и Йоко Оно.

– И чего? – Скепсис не сходил с Ксюшиного лица.

– Может, сходим куда-нибудь?

Ксюша молча развернулась и пошла прочь.

– Подожди... – Коля рванулся следом. – Давай по-другому. Давай я для тебя чего-нибудь сделаю!

– Что ты можешь для меня сделать? – Ксюша опять снисходительно усмехнулась.

– А чего ты хочешь?

– А чего ты можешь?

Коля покрутил головой, соображая. Идея осенила его мгновенно.

– Хочешь, я себе палец отрежу?

– На фига палец? Давай уж всю руку! – Ксюша пожала плечами.

– Руку?.. – Коля задумался.

Да, пожалуй, с идеей он поспешил. Почти как папа. Вот что значат гены!

– А еще чего-то хочешь? – поинтересовался он после паузы.

Ксюша закатила глаза, включилась в игру и принялась перечислять:

– Хочу, чтобы малолетки перестали ко мне подваливать. Хочу розовый «Порш». Хочу, чтоб эта школа сгорела на фиг. Устроишь? – Она серьезно посмотрела на Колю.

Тот задумался еще сильнее.

Ксюша не уходила. Она смотрела прямо ему в глаза, ожидая ответа.

Коля открыл рот и произнес:

– А правду говорят, что ты себе грудь силиконовую сделала?

Ксюша, не говоря ни слова, развернулась и ушла.

Коля остался в коридоре один. Делать сегодня в школе больше было нечего, и он побрел к выходу, даже не дожидаясь Спичи.

Коля все-таки слегка расстроился. Нельзя сказать, что Ксюша ему очень нравилась. Он обратил на нее внимание потому, что она считалась самой крутой телкой в классе, к тому же

директорская дочка. Коля подумал, что неплохо было бы завести с ней какие-то отношения. Но как это сделать? Тем более тут выяснилось, что она целуется на уроках с Багдасаром. Эту тему стоило бы обдумать.

Коля стал размышлять, но тут его догнал Спича, ткнул приятеля в бок, показал на наушники и заявил:

– Новый альбом «Slipknot», скачал на днях. Послушаем? – Он разделил наушники на двоих.

Застучали двойные бочки, запилили зубодробительные гитары, зарычал неразборчивый и невнятный гроул солиста.

Коля повысил голос, чтобы прорваться через оглушительные звуки музыки, и сказал:

– Ну да, нормально, но все равно попса. Скинь мне.

Спича кивнул и так же громко сообщил:

– Сегодня Ушастого будут бить.

Коля не расслышал и вынул наушник.

– Чего?

– Багдасар Ушастого будет месить, говорю. – Спича тоже вынул наушник. – Сегодня за школой, в четыре.

– Понятно, – с сожалением произнес Коля. – Жаль Ушастого.

– Ага. Ушастый – нормальный парень. Блин, как же этот Багдасар всех достал! – в сердцах проговорил Спича.

– Это верно, – согласился Коля. – Я и сам над этим думал.

Багдасаров и Ксюша Дронова учились в девятом «А». Девчонка оказалась в главной параллели хотя бы потому, что была директорской дочкой. А вот почему там год назад обосновался Багдасар, многим школьникам было непонятно.

Никто не знал, что к директору Дронову тогда пришел уважаемый человек по имени Арам Ашотович Петросян. Он уважительно пожал Владимиру Анатольевичу руку, вальяжно устроился в кресле и завел с ним степенную беседу.

Петросян сообщил, что является владельцем автосалона, и спросил, не нуждается ли в чем-то школа или лично Владимир Анатольевич. Если что, пусть директор непременно обращается к нему.

За племянника у него душа болит. Мальчишка растет без отца и надлежащего досмотра. Дядя Арам, как уж может, заменяет ему родителя. Конечно же, он хочет, чтобы племянник учился в престижной школе и в самом лучшем классе. Очень важно, что директором там является такой достопочтенный человек, как Владимир-джан.

Дронов великодушно согласился. Потом выяснилось, что он совершил грубую политическую ошибку.

Проблемы начались уже с первого месяца пребывания Багдасарова в школе. Сам этот тип, судя по его внешнему виду, в досмотре уже не нуждался. Когда Дронов впервые его увидел, то поначалу принял за отца кого-то из учеников. Потом, правда, выяснилось, что тот успел посидеть по два года во втором и четвертом классах. Вскоре жалобы посыпались со всех сторон, от преподавателей, учеников, а также их родителей, среди которых тоже были весьма уважаемые люди.

А главное – Дронов только сейчас понял, как опрометчиво он поступил, посадив его в один класс со своей дочерью. Ксюша почему-то мгновенно сдружилась с этим недоумком. Как потом догадался Владимир Анатольевич, делалось это исключительно ему назло.

Когда ему принесли пачку заявлений, написанных в полицию, Дронов поехал в автосалон к дяде Араму. Тот с мрачным насупленным видом выслушал директора школы, сурово, осуждающе покачал головой, постучал по столу толстыми пальцами и сказал, что примет все меры по воспитанию племянника.

Затем он повел директора школы в торговый зал. Дронов на тот момент ездил на неплохой корейской машине, но, когда он увидел сверкающий «Ягуар», сердце его дрогнуло.

Арам Ашотович положил руку ему на плечо и сказал, что готов отдать этот автомобиль по очень и очень сниженной цене, да еще и в рассрочку. Последнее слово явилось ключевым, поскольку Дронов со своей директорской зарплаты не смог бы купить даже колесо от этого «Ягуара».

Таким вот образом инцидент был улажен. Багдасар на время затих. Но, разумеется, не навсегда. Он просто затаился, получив от дяди Арама серьезный втык.

За прошедшее лето Багдасар еще больше окреп, возмужал, а главное – сколотил компанию гопников, которые начали шакалить деньги у младшекласников. А еще произошло знаменательное событие. Его двоюродный брат Варган наконец-то устроился на работу в полицию, и не куда-нибудь, а в патрульно-постовую службу. Поэтому Багдасар вслух говорил так: «Вы все – никто! За меня полиция впишется только так! Если кто вякнет – всех порву!»

Наконец, еще один момент. Багдасар посещал секцию по вольной борьбе и козырял тем, что схватился на ковре с юниорским чемпионом России и порвал его. Это утверждение проверять никто не стал, но и так было понятно, что Багдасар в смысле физической силы был в масштабах школы реально крут.

Школьники знали, что Багдасаров – парень весьма безбашенный, поэтому остерегались кому-либо жаловаться и предпочитали расплачиваться с ним своими карманными деньгами. Правда, Багдасар говорил, что если у кого-то возникнут проблемы с какими-нибудь чужими, то он тут же впишется и всех порвет. А контингент школы он считал «своим».

Словом, авторитет Багдасара был силен. Сейчас под его раздачу попал несчастный Ушастый.

Спича с Колей тем временем прошли мимо стадиона, где Станислав Ильич с первоклашками запускал в небо управляемый самолет. Малыши радовались, хлопали в ладоши и бежали за ним.

Потом, словно что-то вспомнив, Спича спросил:

– А ты слышал про Писуна?

– Кого? – Коля удивленно воззрился на него.

– Да, представляешь, появился тут какой-то чувак, который писает на людей! Прикинь!

– Как это писает? – Коля аж остановился.

Спича пожал плечами:

– Ну, просто берет, подходит и писает, – и добавил для убедительности: – В упор.

Коля продолжал стоять на месте, переваривая услышанное.

– Ты чего замер-то? – Спича подтолкнул его. – Идем!

Они стояли возле спортивной площадки, на которой в это время школьники занимались физкультурой. Один из них, маленький и лопоухий, услышал обрывок разговора Коли и Спичи.

Пацан тут же вмешался в диалог, с удовольствием продемонстрировал свою осведомленность:

– С балкона. Писун с балкона писает.

– Сам ты с балкона! – снисходительно отозвался Спича. – На тебя он писает с балкона! А на всех нормальных людей – просто подходит и писает. – Парень покрутил головой и обратился к Коле: – Блин, бесит, когда вот так влезают в разговор!

Коля, впавший в раздумья, спросил:

– Так зачем этот Писун так делает? Он что, мстит кому-то?

Спича не успел ответить.

К ним подошла еще одна свидетельница разговора, малолетка Глебова из шестого «В».

С видом светской львицы она томно провозгласила:

– Он пишет только на красивых женщин. Это в Интернете есть.

– Опять двадцать пять! – Спича с досады хлопнул себя по бедру.

– На красивых женщин? – заинтересовался Коля, у которого эта история, наверняка выдуманная наполовину, вызвала живейшее любопытство.

– Тогда тебе нечего бояться, Глебова! – весело и зло выпалил Спича, обернулся к Коле и спросил: – В каком смысле? Кому он мстит?

Глебова вмиг утратила светский вид и манеры. Она захлопала глазами с неумело накрашенными ресницами и раскрыла рот, чтобы дать ответ подобающий женщине, достойной быть описанной, но Спича грубо уничтожил его в зародыше.

– В пакет завернись! – крикнул он ей через плечо.

Глебова надулась и замолчала.

Коля задумчиво покусал губы и вынес вердикт:

– Ну, ясно. Это у него какая-то психотравма. Детская, скорее всего. Я уверен, на него, мелкого, кто-то когда-то написал, вот он теперь и мстит. Что-то типа незакрытого гештальта.

В воздухе повисло молчание. Спича с Глебовой позабыли о своей словесной дуэли, полностью переключили внимание на Колю. Сию тираду он произнес очень уверенно и четко. Их словарного и образовательного запаса явно не хватало на то, чтобы согласиться с ней либо опровергнуть. Кроме них Колю слушали и другие школьники.

Однако молчание длилось недолго. Спича, которого заткнуть умными терминами было не так-то просто, очень быстро пришел в себя, вник в смысл Колиной фразы и бросился отражать атаку.

– С чего ты это взял? – спросил он.

– Да тут все просто. – Коля пожал плечами. – Это же классический случай. Сначала ты жертва, потом маньяк. Это азы психологии.

Глебова наморщила лоб, демонстрируя усиленную работу мозга, потом решила и спросила:

– Типа... Фрейда, да?

Коля снисходительно хмыкнул и заявил:

– Фрейд – попса, конечно. Но у него тоже про это есть.

Гнев Спичи достиг апогея и вырвался в яростной реплике:

– Блин, да чего вы парите?! Чувак просто пишет, вот и все! Подходит! И пи-са-ет!

Школьники все как один удивленно повернулись в сторону Спичи, который обычно вел себя куда сдержаннее.

– Ладно, тут мелкота одна, – свысока обведя взглядом спортивную площадку, резюмировал Спича. – Пойдем отсюда.

Они ушли на задний двор, где собралась компания во главе с Багдасаром. Коля сразу же увидел здоровенную плечистую фигуру и знакомое тупое выражение лица.

Гроза школы Багдасар действительно вполне мог конкурировать с тридцатипятилетним мужиком. Он медленно прохаживался взад-вперед, а перед ним стоял мальчишка-десятиклассник. Их можно было бы принять за папу и сына, если бы не разительный контраст во внешности. Мальчишка был щуплым, светловолосым и ушастым, а Багдасаров – огромным, смуглым и чернявым, с толстыми губами и полным отсутствием мысли в глазах.

Вокруг них собралась толпа молчаливых наблюдателей из разных классов.

Багдасар остановился и сказал:

– Ушастый, расклад ты знаешь. Давай, приступай.

Ушастый с тоской посмотрел на Багдасара, на толпу, потом слегка ударил себя ладонью по щеке.

Багдасаров выпятил толстую губу и спросил:

– Это что?

– Ну, типа, это я себя бью, как ты просил.
– Я просил бить, а не гладить, Ушастый! – повысил голос Багдасар. – Сильнее давай! Ты что вообще?!

– Да все нормально, – пробормотал парень.

– Что у тебя нормально? Давай-давай, балерина! Или мне помочь?!

Ушастый начал лупить себя по лицу. Было видно, что ему действительно больно. Школьники смотрели на это и посмеивались.

Коля и Спича молча наблюдали за разборкой.

– А за что, собственно, он его? – шепнул Коля приятелю.

– Да он куртку Багдасара надел, – так же шепотом ответил Спича. – Со своей в гардеробе перепутал.

– Блин! – Коля вздохнул. – Похожи, что ли?

– Да вообще одинаковые! Висели рядом.

– Не повезло, – сочувственно резюмировал Коля и боковым зрением заметил, что к толпе подходит Ксюша.

Она с полным безразличием оглядела несчастного Ушастого, перекатывая во рту жвачку. Багдасар подошел к ней.

– Вот, Ксюха. Учю тут жизни, – самодовольно произнес он.

Девчонка холодно и отстраненно смотрела куда-то вперед, мимо Багдасарова. Тот обнял ее за талию и попытался по-хозяйски засосать в губы. Она немного отстранилась, но только чтобы вытащить изо рта жвачку. После этого они с Багдасаром слились в поцелуе.

Даже Ушастый перестал лупить себя по физиономии и замер.

Коля с тоской смотрел на происходящее.

Багдасар вдруг прервался, повернулся к Ушастому и спросил:

– А ты чего остановился? – Он залихватски сплюнул, замахнулся для сокрушительного удара, потом передумал, засмеялся и заявил: – Ладно, на сегодня все. Живи пока. – Багдасар обнял Ксюшу за талию, и они удалились в направлении парка.

Ушастый опустил голову, взял свой рюкзак, валявшийся на траве, и побрел восвояси.

Толпа зевак тут же рассосалась.

Спича с Колей тоже ушли. Они снова включили «Slipknot», но особого удовольствия музыка не доставляла. Разговор тоже не складывался, и приятели довольно вяло расстались.

Дома Колю ждал очередной телефонный разговор папы с невидимым потенциальным клиентом. Александр Смирнов в одних трусах стоял посреди комнаты с трубкой в руке. Сверху на нем был надет пиджак от костюма и повязан галстук.

Это не случайно. Нет, папа вовсе не собирался сейчас куда-то идти и просто не успел надеть брюки, потому что его отвлек досадный телефонный звонок. Так он выглядел всегда на работе.

Да, Александр Смирнов сейчас был, как говорится, при исполнении. Он занимался внедрением в жизнь своей оздоровительной системы. Папа был педантом в определенных вопросах, вдобавок его разум покрывал легкий налет паранойи.

Смирнов был убежден в том, что на работу непременно нужно ходить в подобающем виде – в костюме и при галстук. Он ежедневно облачался в этот наряд, а потом принимался за телефонные разговоры, продолжающиеся несколько часов. Но при этом он упорно игнорировал брюки. Видимо, расхаживать по квартире и садиться на диван в трусах было значительно удобнее.

К тому же в этом была и вполне реальная практическая выгода. Брюки не мялись, не изнашивались. Они, тщательно отглаженные, висели в шкафу и дожидались своего звездного часа, когда работа папы должна была проходить вне стен квартиры.

Сейчас отец в расстегнутом пиджаке с обиженным видом выговаривал невидимому собеседнику:

– Да, система оздоровления Смирнова, моя собственная. Послушайте, на ней весь Звездный городок сидит! Сейчас вы используете возможности своего организма на десять процентов. А вы хотите, чтоб он работал на сто, на двести? Вы уже будете в гробу лежать, а ваш мозг не перестанет регенерировать клетки. С системой оздоровления Смирн... – Он споткнулся на полуслове, резко отключил телефон и сердито крикнул в пустоту: – Да пошел ты!.. – Отец с досадой бросил телефонную трубку на стол, повернулся и увидел Колю.

– Привет, – произнес тот.

– Ты водоросли купил? – вместо ответа спросил отец.

Коля поставил перед ним огромный пакет.

– Купил. Только аптекарь просил передать тебе, что за производство лекарств без сертификата может быть уголовная ответственность.

– Сынок, а какого черта ты вообще болтаешь об этом с аптекарями?! – обрушился на него отец.

– А что мне делать?! – осведомился Коля. – Он спрашивает, мол, зачем вам столько водорослей?

– И что теперь? Будем у каждого аптекаря спрашивать, как нам жить?! – Папа вытаращил глаза.

Тут в комнату впорхнула мама и спросила, пытаясь перебить неприятную тему:

– Как дела в школе, сынок?

– погоди, не отвечай! – сказал Коле папа, повернулся к маме и переключился на нее: – Он еще с аптекарем не посоветовался!

Коля подавил вздох. Все понятно. У папы опять не получилось втюхать хоть кому-нибудь свою грандиозную систему, вот он и бесится.

– Водоросли, сын, нужны для производства витаминов! – Папа со значимостью поднял указательный палец. – А витамины будут называться «Eat and Fit Александра Смирнова»!

«Ешь и худей!»

Коля подумал, что его друг Спича сказал бы именно так, если бы услышал. Иногда тот автоматически переводил английские словечки, как бы козырял своим знанием этого языка.

Но Коле уже поднадоела ситуация с водорослями и витаминами. Он улизнул в свою комнату, подальше от папы. Парень включил компьютер, зашел на страничку Ксюши «ВКонтакте» и стал рассматривать ее фотографии. Ему очень хотелось побыть наедине со своими мыслями, но одиночество нарушил брат Дима.

Он подошел сзади к Коле, приняхался, вдруг сморщился, зажал пальцами нос и проговорил:

– Слушай, от тебя паршиво пахнет. Не хочешь побрызгаться? – Дима достал откуда-то из-за спины пульверизатор и поставил перед Колей.

Коля удивленно и недоверчиво понюхал свою одежду. Почему паршиво-то? Только вчера купался.

Никакого неприятного запаха парень не уловил, но на всякий случай взял флакончик, решив побрызгаться. Мало ли что. Может, он уже приняхался и не замечает?

Однако еле заметная гримаса, скользнувшая по физиономии брата, заставила его приглядеться внимательнее.

– Подожди!.. Это что, газовый баллончик?!

Дима истерически захохотал и схватил баллончик.

– Точняк! – весело воскликнул он, подскочил к зеркалу и принялся кривляться перед ним, используя баллончик в качестве пистолета и по-ковбойски крутя его. – Если бы ты так не ботанил...

- Я не ботаню, – сухо отозвался Коля.
- Так все ботаны говорят! – заявил Дима.

Коля решил прекратить общение с братом, демонстративно отвернулся, взял с полки книгу.

- Кстати, чего это мы читаем? – тут же поинтересовался Дима и потянулся к книге.
- Камю.

– А, Камю! Я ее тоже читал! Там написано, что ты полный придурок. Это мое любимое место, – выдал братец.

Коля хотел было ответить на это, но не нашел подходящих слов. Перед такими людьми, как Дима или Багдасар, он всегда терялся. Ему, ей-богу, проще было поговорить с директором Дроновым или даже с завучихой.

Дима же завертелся перед зеркалом, явно любуясь собой. Он резко развернулся и направил на Колю баллончик. Раздалось короткое и тихое шипение.

Коля рефлекторно дернулся, что еще больше развеселило брата. Тот не нажимал на кнопку.

Дима ударил по кулаку ладонью, подмигнул и спросил:

- Ну что, распечатаем сегодня Симакову?!

Коля не ответил. Он посмотрел на часы. Вечером ему нужно идти домой к Алисе Денисовне. Кажется, это единственное, что будет хорошего в сегодняшнем дне.

До визита к учительнице оставалось еще несколько часов. Пока нужно было терпеть присутствие Димы и папы. Но братец, по счастью, вскоре свалил, весело насвистывая, а папа в комнату к сыну не заглядывал.

Когда на часах было шесть, Коля поднялся из-за стола, пошел в прихожую, натянул куртку и стал обуваться.

- Коля, ты куда? – с тревогой спросила мама. – Уже поздно!
- К учительнице, заниматься, – ответил он и незаметно усмехнулся.

Дима постоянно уходил из дома куда позднее, и маме не приходило в голову так волноваться из-за него. Да, действительно, они с братом совсем разные люди.

Когда Коля шел через парк, ему на каждом шагу попадались целующиеся парочки. Он старался не смотреть в их сторону – чего зря расстраиваться? Группа парней танцевала брейк. Они отработывали акробатические трюки, фризы, нижние вращения.

На пару минут Коля залип рядом с ними, но потом продолжил путь. Все-таки Алиса Денисовна ждет.

Он вошел в подъезд старого дома как раз в тот момент, когда из него выходил какой-то старичок, поэтому ему не пришлось звонить в домофон. Коля поднялся на второй этаж и нажал на кнопку возле двери.

Створка открылась почти мгновенно. За ней стояла Алиса Денисовна. Коля даже зажмурился, потому что никогда еще не видел ее такой красивой. Нет, Алиса Денисовна всегда была чертовски хороша собой, но в школе она появлялась в костюмах или строгих платьях. Сейчас на ней был умопомрачительный шелковый халат, и глаза блестели как-то по-особенному.

Коля смотрел на Алису Денисовну, а она – на него. В глазах учительницы сначала висело удивление, потом оно сменилось узнаванием.

- Коля? – произнесла она.
- Да! – радостно подтвердил тот. – Здравствуйте.
- А?.. – медленно протянула Слепова, все еще ничего не понимая.
- Вы велели мне за диском зайти, – помог ей Коля.

Алиса Денисовна наморщила лоб и принялась мучительно вспоминать, когда это она такое сказала, за каким таким диском пришел Коля.

Она так толком ничего и не припомнила и проговорила:

– Ах да... Слушай, я совсем забыла. Заходи. – Алиса Денисовна отступила в глубину комнаты.

Коля снял ботинки и проследовал за ней.

– Ты будешь чай? Конфеты? – на ходу спросила Алиса Денисовна.

– Нет, спасибо, – отказался Коля, удивляясь такому гостеприимству.

– Есть пирог, – продолжала хлебосольничать учительница, но вдруг замолчала и пробормотала: – Если я его не слопала вчера.

Она ушла на кухню, а Коля достал тетрадки и огляделся по сторонам. Ему всегда казалось, что дома у учителей должен быть идеальный порядок. Примерно как в его комнате, когда нет Димы.

У Алисы Денисовны идеального порядка не было. На сушилке у окна висел красивый бюстгальтер – вещь, может, и вполне уместная для сушилки, но не для глаз ученика.

Стол в комнате усыпан какими-то зефирными крошками, блестящими обертками от конфет. На нем стояла полупустая бутылка вина, компанию которой составлял бокал.

– А что мы там в прошлый раз проходили? – крикнула из кухни Алиса Денисовна, и Коля замер, будто его застали на месте преступления.

– Past continuous, – сообщил он.

– Да, прошедшее продолженное. Мое любимое время! – как-то мечтательно проговорила Алиса Денисовна.

Коле непонятно было, о чем тут мечтать. Время как время. Эти английские времена – самое трудное в их грамматике. Прямо даже непонятно, для чего они их столько придумали? Интересно, а сами англичане ими всеми пользуются?

Вот американцы, например, которые, по сути, просто слямзили у англичан их язык, не заморачиваются такой ерундой. Они выберут одно время, и им этого вполне достаточно.

Коля решил, что так все-таки лучше. Он не очень-то любил американцев, хотя за свою недолгую жизнь ни с одним из них не общался вживую. Но этих заморских джентльменов терпеть не мог папа, а с ним в семье Смирновых было принято соглашаться.

Алиса Денисовна вошла в комнату с подносом, на котором стояли чашки с чаем и коробка конфет, и продолжила:

– Оно проходит и все никак не кончается... – Она поставила поднос на столик, уселась рядом с Колей на диванчик, сразу же развернула конфету, отправила ее в рот, прожевала, глядя куда-то вперед, и обратилась к Коле: – Ну, рассказывай.

– Что рассказывать? – с удивлением спросил Коля.

Алиса Денисовна вообще сегодня была какая-то совсем иная. Не как всегда. Не такая, как он привык.

– Ну так что у тебя там нового? Или старого? Ты, кстати, стал хуже заниматься. Да-да. Your English is terrible, Коля. – Алиса Денисовна наклонилась к парню и шутливо погрозила ему пальцем.

Он ощутил слабый запах алкоголя и понял, почему Алиса Денисовна так себя ведет. Глаза у нее блестят не просто так. Она выпила вина. Полбутылки. Одна. Интересно, это много или мало? Коле, который ни разу в жизни не пробовал спиртного, это было неизвестно. Он вообще чувствовал неловкость оттого, что застал Алису Денисовну в таком виде.

Коля поерзал на диване и неуверенно сказал:

– Может... я лучше завтра приду?

– No, no, stay, where you are! – Алиса Денисовна ухватила его за плечо. – Я как раз хотела с тобой посоветоваться.

– Со мной? – Коля не переставал изумляться.

Алиса Денисовна улыбнулась и спросила смущенно:

– Ты не против, если я выпью чуточку вина? Ты, кстати, будешь? – Не дожидаясь ответа, она налила себе и Коле по бокалу вина.

Потом учительница вернулась на диван, отпила глоток и заговорила так, будто пересказывала содержание какого-то романа:

– Вот представь себе. Допустим, есть женщина – молодая, красивая, умная, обаятельная. Есть другая – никакая вообще. У нее нет ничего, только ребенок, почти взрослый уже. А сама она – фу. Так кого мужчина должен выбрать? – Последнюю фразу Алиса Денисовна произнесла с вопросительными интонациями.

Но Коле было ясно, что ответ очевиден, по крайней мере для нее самой.

Она залпом допила вино, поднялась, направилась к серванту, достала новую бутылку и принялась открывать ее штопором.

Коля сделал глоток вина и задумался. Для него ответ на этот вопрос не был таким однозначным.

Он решил основательно все обмозговать, потом спросил очень серьезно:

– А у той второй от кого ребенок? От этого мужчины?

Алиса Денисовна посмотрела на него с удивлением. Мол, какое это имеет значение для вопроса, если ответ и так ясен?

– Ну, предположим, – чуть посомневавшись, сказала она. – Да.

Коля снова надолго задумался. Алиса Денисовна посматривала на него недовольно.

– Очевидно, здесь важно, кого он сам любит, – наконец-то ответил Коля.

Алиса Денисовна аж подскочила на месте от такого непонимания очевидных вещей.

– Ну, ясно кого! Молодую и красивую, да? – Она вдруг замолчала, потом добавила неуверенно: – Наверное. – Затем учительница с задумчивым видом отошла к окну и стала вглядываться в пейзаж, уже сильно потемневший.

Теперь Коля получил все данные, необходимые для решения этой задачи, явно сложной для него, и принялся рассуждать вслух:

– Да тогда вообще нет проблемы. Надо, конечно, выбирать ту, которую любишь, и просто говорить правду. В этом случае никто не будет обижаться и страдать. А дети... Люди все время говорят, вот, мол, мы живем ради детей. Да не надо этого делать! Если бы кто-то из моих родителей кого-то полюбил и честно в этом признался, я бы первый сказал: «Вперед, разводите! Совет вам да любовь!»

Коля чувствовал себя вполне удовлетворенным. Он весьма грамотно решил вопрос, поставленный Алисой Денисовной, нашел единственно верный ответ. Парень был горд собой и не понимал, почему Алиса Денисовна не хвалит его и вообще, кажется, не слушает.

Он поднял голову и увидел, что Алиса Денисовна плачет.

Коля мгновенно осекся, совершенно запутался. Что не так? Разве не правильно он говорит? Или, может, в такой ситуации надо все-таки ставить на первое место ребенка? Закрывать глаза на то, что та, вторая, пустое место, некрасивая и вообще, должно быть, противная? Может, даже хуже, чем их завуч?

Алиса Денисовна обернулась к Коле, шмыгнула носом, вдруг улыбнулась и сказала:

– А у меня есть любимый фильм. Давай посмотрим? Он, правда, без перевода, но считай, что это будет дополнительный урок. Я тебе помогу.

Коля мотнул головой. Ладно, чего уж. Можно и фильм. Никогда раньше он не смотрел кино вместе с учителями у них дома, но этим вечером вообще все шло не так.

Алиса Денисовна поставила диск и включила запись.

Несколько минут Коля довольно равнодушно смотрел на экран, пока до него вдруг не дошло. Это были «Девять с половиной недель». Эротический фильм, о котором ему рассказывал Спича. Это кино, кажется, было ужасно древним. Его снимали, еще когда их со Спичей на свете не было. И все же... Оказывается, в древности тоже умели делать очень даже непло-

хие фильмы. А уж когда Коля вспомнил пару эпизодов, о которых говорил Спича, он просто прилип взглядом к экрану.

Алиса Денисовна, видимо, была очень проникнута отношениями героев на экране. Она плакала, уже не скрывая своих слез, вздыхала, однако не переставала переводить. Вскоре сюжет дошел как раз до того момента, за которым должна была последовать роковая сцена.

Голос Алисы Денисовны задрожал, когда она стала переводить реплики героев, но Коле это было не важно. Алиса Денисовна вообще могла ничего не говорить. Все было на экране, и Коля вполне обошелся бы без слов.

Он уже хотел было сказать, чтобы она не напрягалась и спокойно смотрела фильм. Но тут Алиса Денисовна закрыла лицо руками, и слезы заструились между пальцев. Она вытерла их как могла и щелкнула пультом.

– Все, с этого места не могу смотреть. Не будем, – проговорила учительница, тяжело дыша.

– Как? Почему? – обалдело спросил Коля.

– Не могу. Там все грустно. Очень даже.

– А что дальше? – спросил Коля.

Фильм совсем не показался ему грустным. Да и сюжет, честно признаться, не слишком волновал его. Он все ждал этой откровенной сцены, но так и не увидел ее. Алиса Денисовна не хотела...

А она внимательно смотрела на Колю – зареванная, припухшая, дышащая глубоко и неровно.

Женщина вдруг наклонилась, и Колю обдало чем-то мягким и жарким. Алиса Денисовна долго целовала его прямо в губы, наконец задохнулась и отстранилась.

Коля ошалело смотрел на нее. Волосы учительницы вздыбились, лицо пошло красными пятнами, но он мог поклясться, что Алиса Денисовна и сейчас была очень красивой. Может быть, даже самой прелестной, какой он ее когда-либо видел.

Может быть, все произошло бы иначе, если бы не бокал с вином, который Коля держал в руке. От избытка впечатлений он совсем и забыл про него. Злосчастный бокал накренился в его враз ослабевшей руке. Вино пролилось на халат Алисы Денисовны и на Колину футболку.

Алиса Денисовна ойкнула, и лицо ее как-то поменялось. Исчез блеск в глазах, стихло и выровнялось дыхание.

Она взглянула на Колю, нахмурилась и пробормотала:

– Я сейчас вернусь.

Хлопнула дверь в ванную.

Коля мгновенно вскочил и принялся судорожно осматривать себя. «Блин, она сказала, что сейчас вернется, и ушла в ванную! А ведь ежу понятно, зачем Алиса Денисовна туда пошла! А он сегодня еще не принимал душ. И что будет, когда она вернется? Ой, стыдоба!»

Коля быстро понюхал подмышки, майку. «Может, прокатит? Нет, нельзя так опростоволоситься в первый же раз! Что делать?» Эта мысль перепуганной птицей металась в его мозгу.

Из ванной доносился шум льющейся воды. Затем он стих.

Коля опрометью бросился из комнаты, выбежал в прихожую, как попало напялил ботинки и дернул дверную ручку.

– Я тоже сейчас вернусь! – Коля схватил с вешалки куртку и, не натягивая – не до того было! – пулей вылетел из квартиры.

Он несся по улице что было духу, думая только об одном – скорее, скорее! Это были даже не мысли, а инстинкты. Его мозг сам по себе производил расчеты – вот сюда, потом за угол, еще несколько метров, и он дома. Сперва в ванную, потом одеться и нестись обратно. Можно успеть! Нужно!..

Алиса Слепова росла неказистой, прямо скажем, некрасивой девочкой. Будучи маленькой, она не осознавала этого. Только иногда удивлялась, почему на утреннике в детском саду главные роли всегда доставались другим девчонкам. Когда Алиса пошла в первый класс, на школьных фотографиях она всегда оказывалась на заднем плане.

Что интересно, сверстники дружили с ней весьма охотно. Алиса была доброй, неконфликтной и безотказной. Училась она хорошо и спокойно соглашалась помочь своим одноклассникам, даже если они были отъявленными бездельниками и не очень-то этого заслуживали.

Со временем в ее сверстниц начинали влюбляться мальчики, а она оставалась в тени. Ее это не очень заботило до той поры, пока вдруг в их класс не пришел новенький мальчик. Его звали Максим Тихомиров. Он был высок, строен, обладал целым рядом иных достоинств, весьма привлекательных для девочек такого возраста. Мальчишка играл в хоккейной команде, которая добилась чемпионства в каком-то окружном турнире, проявлял блестящие математические способности. Наконец, он был просто очень красив.

Алиса никогда до этого не интересовалась противоположным полом. Теперь она впервые в жизни ощутила, как екнуло у нее сердце. В ту минуту, когда в душе ее возникло то самое волнение, так свойственное юным девушкам, она впервые задумалась над тем, какое впечатление производит как женщина. Ей вдруг захотелось стать красивой, изысканной, утонченной – словом, такой, какой хотят видеть женщину мужчины.

Но Алиса не знала, как это сделать. Первым человеком, к которому она обратилась за советом, была ее мать, Наталья Владимировна.

Отношения с матерью у Алисы были сложными. Наталья Владимировна – высокая, статная, начальник отдела в одном из научных институтов, весьма многочисленных в те времена, – была очень уверенной в себе женщиной. Успех сопутствовал ей во всем – золотая медаль в школе, красный диплом в институте, успешная советская карьера, удачный брак. Словом, у Натальи Владимировны были все основания гордиться собой.

Ее уважал и откровенно побаивался муж – рядовой инженер на заводе. Перед ней трепетали, а порой и откровенно лебезили подчиненные. Да что там подчиненные. Даже начальство предпочитало не вступать в конфликт с Натальей Владимировной, возглавлявшей важное подразделение их института.

Алиса была единственным ребенком в семье. Наталья Владимировна, конечно, любила свою девочку. Вот только проявляла она это чувство как-то странно. Мать вроде бы давала дочери все самое лучшее, пристроила ее в престижную школу. Попутно девочка занималась фигурным катанием и музыкой.

Все это было бы на пользу, если бы не одно «но». От Алисы всегда требовались не просто хорошие, но блестящие результаты. Всегда и во всем она должна была быть первой. А если вдруг становилась хотя бы второй, то ее ждало недовольство. Мать подняла планку слишком высоко, и в какой-то момент Алиса сломалась.

Она хорошо помнила, как это случилось. Ей предстояло сдавать сольфеджио. Экзамен был в общем-то вполне рядовым, несложным, к тому же музыкальная грамота всегда давалась Алисе легко. Волноваться тут, собственно, было не о чем.

Алиса сдала бы предмет на пятерку, но Наталья Владимировна накануне экзамена раз десять говорила о том, что завтра у Алисы ответственный день, и постоянно спрашивала, готова ли та к экзамену. Алиса была готова, но мать это почему-то не убеждало. Она вновь и вновь с маниакальной настойчивостью напоминала девочке о предстоящем испытании.

Кончилось все тем, что Алиса не спала всю ночь, ворочалась с боку на бок и постоянно прокручивала в голове нужную программу. В итоге на экзамен она пришла совершенно разбитой и получила четверку.

Наталья Владимировна такого результата принять никак не могла. На девочку вылился целый ушат помоев. В монологах матери изобиловали фразы типа: «Ты меня опозорила, не оправдала доверия. Ты никудышная, никчемная».

Тогда Алиса впервые почувствовала сомнение в своей состоятельности. Так уж совпало, что как раз в этот момент в ее классе и появился Максим Тихомиров.

Он в общем-то был неплохим парнем. Неизвестно, испытывал ли Макс какие-либо чувства к Алисе. Скорее всего нет. Но внимание девушки не прошло мимо него незамеченным.

Был новогодний вечер, в школе устраивалась дискотека. Алиса тогда впервые в жизни подкрасила глаза и провела по губам маминой помадой. В семь часов вечера она стояла перед зеркалом в своей комнате и увидела в нем стройную красавицу с распущенными волнистыми волосами. Алиса в первый момент даже не поверила, что это она и есть.

Ей оставалось только накинуть шубу и обуть сапоги, как в двери щелкнул замок, и в квартиру вошла Наталья Владимировна. У нее был тяжелый день. Как раз решался вопрос о реорганизации научного института в связи с всеобщим кризисом в стране. Дело происходило в девяностые годы. Самой Наталье грозило увольнение или как минимум понижение зарплаты на новой должности. Мало того, даже эти деньги тогда не очень-то и платили.

Наталья Владимировна щелкнула ключом и увидела в прихожей дочь с сияющими глазами. Она рассчитывала на вкусный ужин и спокойный отдых на диване перед телевизором. Мать не просила Алису приготовить что-нибудь к вечеру, но счастливый и беззаботный вид дочери поверг ее в возмущение.

– Ты куда это так вырядилась? – спросила она.

– На новогодний школьный вечер, – ответила Алиса. – Мама, там будет Макс! Он вчера попросил у меня списать математику. А ведь лучший ученик в классе! Я думаю, это означает, что я ему нравлюсь. Ведь правда же?

Мать опустила на тумбочку в прихожей и с иронией спросила:

– С чего это ты взяла?

– Ну как... – Алиса растерянно развела руками. – А что это еще может значить?

Мать снисходительно посмотрела на Алису и заявила:

– Ему просто нужны были задачи по математике. Вот и все.

– Нет, мама, ты не поняла! – восторженно воскликнула Алиса. – Он так на меня смотрел! Если бы ты только видела!

Мать криво усмехнулась.

– Дурочка ты, – произнесла она. – Ничего не понимаешь в жизни! А еще шестнадцать лет исполнилось! Ты посмотри на себя! – Наталья Владимировна резко крутанула дочь перед зеркалом. – Накрасилась, как шлюха! Глаза подвела! Ты себя в зеркале не видела, что ли? Уж если не повезло с внешностью, не стоит и пытаться этим понравиться. Ты дурнушка! Поэтому я и старалась для тебя сделать как можно больше, дать тебе знания. Умом надо брать! – Она постучала себя пальцем по лбу. – Это твой единственный шанс! Успешного мужа тебе все равно получить не удастся, так что надо учиться!

– Мама, ты что? – Алиса широко распахнула глаза.

– Ничего! Раздевайся немедленно! Это платье мы тебе купили на выпускной! Отец специально привез из-за границы! Кто тебе разрешил его брать?

– Ну как... – Алиса растерялась. – Папа же сказал, что это мне.

– Папа! – с презрением проговорила мать. – У папы ума не больше, чем у тебя! Нашла кого слушать! А я не разрешаю! И вообще, нечего шляться!

У Алисы задрожали губы. Не в силах сдержаться, она кинулась в свою комнату, как была, в праздничном платье хлопнулась на постель и разрыдалась.

Мать в прихожей нервно срывала с себя шубу, остервенело сдергивала сапоги и отчаянно делала вид, что не замечает судорожных рыданий дочери, доносившихся из комнаты. За весь вечер она ни разу не зашла к Алисе, не спросила, как та себя чувствует, не предложила поесть.

Девчонка так и лежала на постели, пока наконец не услышала, как в замочной скважине повернулся ключ. Это вернулся отец. Алиса выскочила ему навстречу, повисла на шее.

Отец был человеком мягким. Порой даже слишком. Полная противоположность матери. Муж не мог совладать с железным напором жены и часто шел у нее на поводу там, где, наверное, следовало бы настоять на своем. Дочку он обожал. Она была для него лучше всех на свете просто так – не за заслуги в английском языке или фигурном катании. Алисе можно было ничего не делать, чтобы заслужить похвалу отца. Ту самую, которой она так мучительно дожидалась от матери.

Увидев распухшее лицо дочери, отец сразу же обеспокоился.

– Что случилось, дочка? – обняв ее, спросил он.

Алиса дрожащими плечами прижалась к отцу.

– Папа, я что, и правда некрасивая? – подняв заплаканное лицо, спросила дочь.

Отец глубоко вздохнул. Для него она была самой красивой. Но он понимал, что если сейчас скажет: «Ну что ты, девочка! Ты самая красивая в мире!» – то это прозвучит фальшиво. Она ему просто не поверит. Папа смотрел на дочь, такую же сутуловатую и нескладную, как и многие другие подростки, и понимал, что через некоторое время это исправится. Девочка оформится, разовьется. Может, она и не будет красавицей, но симпатичной уж точно станет.

Он решил и заявил:

– Да, детка. Ты пока еще не самая красивая. Но! – Отец поднял указательный палец. – Запомни, не так важно быть красивой. Надо заставить поверить в это других людей.

– Как это? – От удивления Алиса даже перестала плакать.

Отец усмехнулся и сказал:

– Тебе пока, наверное, трудно это понять, но ведь красота сама по себе ничего не значит. Что отличает женщину, которая нравится всем? Она уверена в себе! Вот это и есть самое главное. Собственное достоинство. Ты должна этому научиться. Тогда успех тебе обеспечен. Даже если ты не станешь такой красивой, как Софи Лорен.

Алиса тогда отцу не особо поверила, хотя и очень старалась стать такой, какой он ей пожелал. Но, видно, что-то надломилось в ней после того ужасного разговора с матерью. Во всяком случае, уверенности в себе она так и не обрела.

Но природа поступила с ней великодушно. Алиса постепенно взрослела и хорошела буквально день ото дня. Выпрямилась спина – спасибо занятиям фигурным катанием! – смягчились и округлились острые черты лица, появилась хорошая грудь. Но она этого не замечала.

До окончания школы у нее не было никаких романов. На Макса она теперь боялась даже смотреть, на его вопросы отвечала сухо, односложно, стремилась поскорее убежать, скрыться.

Алиса с отличием окончила школу и поступила в вуз. На факультете иностранных языков учились преимущественно девочки, мальчиков раз-два и обчелся, так что роман завести было практически не с кем. Хотя время-то уже подошло. Да и учеба отнимала много сил. Почти все вечера Алиса проводила за чтением, слушанием дисков, вызубривала новые слова и репетировала перед зеркалом произношение.

К тому же Наталья Владимировна продолжала контролировать дочь, даже, наверное, возможно, еще суровее, чем в школьные годы. Кто знает, чем руководствовалась эта властная и сильная женщина, которая, по ее словам, желала дочери только добра. Однако она крепко держала Алису на коротком поводке. Мать неоднократно говорила, что замуж Алисе стоит выходить только за приличного человека, однако, по ее мнению, такового в окружении дочери не было.

Так все и продолжалось. Алиса внутренне уже свыклась с мыслью, что встретить достойного человека ей просто не суждено. Не потому, что таковых не существует, а как раз наоборот. Она считала себя недостойной личного счастья.

Комплекс неполноценности очень крепко врос в нее, вцепился, пустил глубокие и мощные корни. Он так прочно опутал девушку, что она до окончания института не знала никаких отношений. До того самого момента, пока не пришла работать в школу, где директором был Владимир Анатольевич Дронов.

Влетев домой, Коля молил Господа только об одном – чтобы ванная была свободна. По счастью, так и оказалось. Он закрылся там, стянул с себя одежду, повернул кран и нырнул под душ.

Второпях парень включил холодную воду. Тысячи ледяных капель так ударили по коже, что он чуть не заорал во весь голос. Коля торопливо отрегулировал температуру и принялся яростно растирать мочалкой свое худощавое тело.

Он, не глядя, протянул руку, схватил какой-то первый попавшийся флакон, открутил крышку и вылил себе на голову его содержимое. Парень взбил пену и начал втирать ее в волосы, потом снова переключился на тело.

Затем он долго тер себя полотенцем, но тело в распаренной жаркой ванной все равно оставалось волглым. Коля с трудом напялил на себя белье. Рубашку он натягивал уже на ходу, в страшной спешке, в прихожей, одновременно пытаясь попасть ногой в ботинок.

Фух, ну, слава богу, все! Коля рванул с вешалки куртку и взялся за дверную ручку. Он не знал, сколько времени потратил на приготовление к свиданию, может быть, самому важному в его жизни. То ему казалось, что целую вечность, то парень считал, что управился за какие-то пять-десять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.